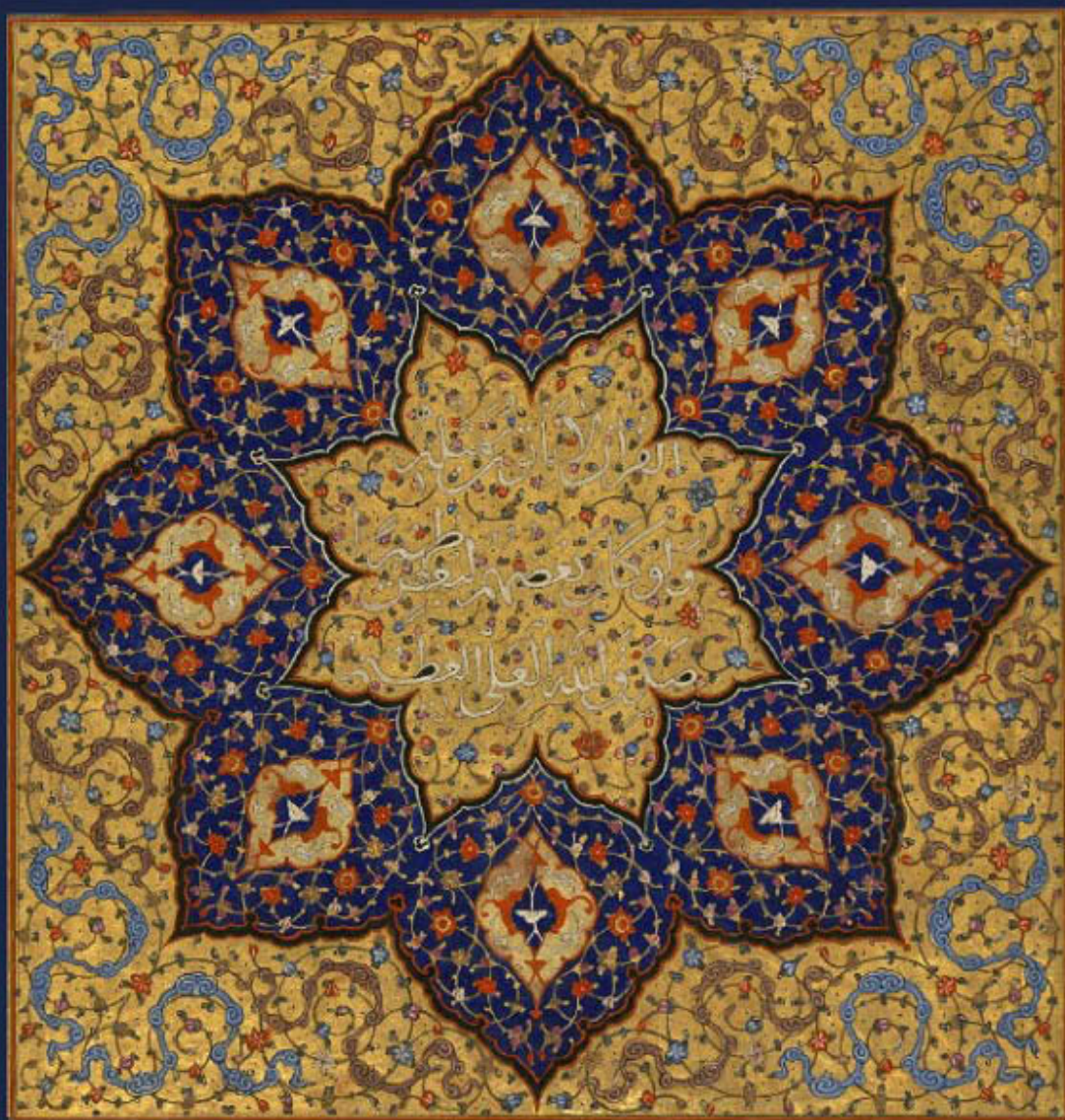

ARS ISLAMICA

В ЧЕСТЬ СТАНИСЛАВА МИХАЙЛОВИЧА
ПРОЗОРОВА

Под редакцией М.Б. Пиотровского
и А.К. Аликберова

УДК 28
ББК 86.38
А85

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры*

Составители и ответственные редакторы
М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов

*В оформлении книги использованы элементы фронтисписа
иллюминированной рукописи Корана 1601 г.
(Иран, Сефевидский период; The Walters Art Museum, Ms W 569, f. 1b)
и кувфическая надпись «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад —
посланник Аллаха», выполненная в виде восьмиугольной звезды
на фасаде соборной мечети Йезда (Иран)*

Ars Islamica : в честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв.
ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов ; Ин-т востоковедения РАН. — М. :
Наука — Вост. лит., 2016. — 871 с.: ил. — ISBN 978-5-02-039776-7

В научный сборник, посвященный выдающемуся российскому исламоведу, одному из основоположников Ленинградской / Санкт-Петербургской школы российского академического исламоведения Станиславу Михайловичу Прозорову, включены статьи российских и зарубежных исследователей, подавляющее большинство которых являются единомышленниками, коллегами и учениками С.М. Прозорова. В центре внимания авторов статей – различные области академического исламоведения: историография и источниковедение ислама, суфизм, методы и методики исламоведческих исследований, текстология, переводы исламских источников, впервые публикуемые на русском языке, исламское образование в России, изучение выдающихся проявлений исламской культуры в мусульманском мире, включая территории бывшей Российской империи и СССР (Центральная Азия, Северный Кавказ, Урал и Поволжье).

© М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов,
составление, 2016
© Институт востоковедения РАН, 2016
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2016

ISBN 978-5-02-039776-7

СОДЕРЖАНИЕ

11 **ПРЕДИСЛОВИЕ**

14 **PREFACE**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

18 *М.Б. Пиотровский*
ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

24 *Станислав Михайлович Прозоров*
АВТОБИОГРАФИЯ
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

43 *М.Б. Пиотровский*
О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ КОНЦЕПЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА В РОССИИ

51 *А.К. Аликберов*
РОССИЙСКОЕ ИСЛАМОВЕДЕНИЕ, ЕГО ПРЕДМЕТ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ
(ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ)

77 *Р.И. Беккин*
КАФЕДРА ИСЛАМОВЕДЕНИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (О МАЛОИЗВЕСТНОЙ СТРАНИЦЕ
ИЗ БИОГРАФИИ А.Э. ШМИДТА)

96 *Р.М. Мухаметшин*
ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В ТАТАРСТАНЕ

105 *A.D. Knysh*
ISLAMIC STUDIES IN THE AMERICAN CLASSROOM: BETWEEN PEDAGOGY AND SCHOLARSHIP

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИСЛАМОВЕДЕНИЯ

129 *M.G. Romanov*
DIGITAL AGE, DIGITAL METHODS

157 *Д.В. Микильский*
БИОГРАФИИ МУСУЛЬМАНСКИХ УЧЕНЫХ В *ал-Манхал ал-‘азб фи та’рих Тарабулус ал-Гарб*

223 *А.Г. Маргарян*
МЕТОДИКА ГЕНЕРИРОВАНИЯ «АНКЕТ» ПЕРЕДАТЧИКОВ ХАДИСОВ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ
РАННЕШИИТСКОЙ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 247 **M.G. Romanov**
AFTER THE CLASSICAL WORLD: THE SOCIAL GEOGRAPHY OF ISLAM (661–1300 CE)

ИСТОЧНИКИ РАННЕЙ ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ

- 279 **А.К. Аликберов**
К ИСТОЧНИКАМ И ИСТОРИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ КОРАНИЧЕСКОГО РАССКАЗА
О ЙА'ДЖУДЖЕ, МА'ДЖУДЖЕ И ЗУ-Л-КАРНАЙНЕ
- 357 **В.В. Наумкин, Л.Е. Коган**
КОРОВА-ПРИЗРАК СТО ЛЕТ СПУСТЯ (ОБ ОДНОМ ПРИМЕЧАТЕЛЬНОМ СЮЖЕТЕ
СОКОТРИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

ТЕКСТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

- 371 **В.В. Наумкин**
ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТОЧНОМ ПЕРЕВОДЕ САКРАЛЬНОЙ БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ
ṢALLĀ ALLĀNI 'ĀLAYNI WA-SALLAMA НА РУССКИЙ ЯЗЫК
- 382 **Н.И. Пригарина**
ОТБЛЕСК НЕГЛЕННОГО ЛИКА (В ГЛУБИНАХ ИНТЕРТЕКСТА ПЕРСИДСКОЙ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ)
- 392 **А.А. Хисматулин**
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ *та'лиф*: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И ПЕРЕВОД *Рисалай*-и *Абдалийа* ЙА'КУБА ЧАРХИ

ПЕРЕВОДЫ ИСЛАМСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- 438 **Ибн Сина**
«Исцеление» (*аш-Шифа*). Глава о бытии Бога и Его атрибутах из книги «Теология».
Перевод с арабского, предисловие и примечания *Т.К. Ибрагима*
- 482 **Ибн Рушд**
«Большой комментарий к “Метафизике” Аристотеля» (*Тафсир ма-ба'д ат-таби'а*).
Раздел об обосновании бытия Бога и Его атрибутов. Перевод, предисловие
и примечания *Н.В. Ефремовой*
- 523 **Садр ад-дин ал-Кунави**
«Путеводительное послание» (*ар-Рисала ал-хадийа*). Перевод с арабского
и комментарии *Я. Эшотса*
- 544 **Фарид ад-дин 'Аттар**
«Поминание друзей Божиих» (*Тазкират ал-аулийа*). Жизнеописание
Абу Бакра Шибли. Перевод с персидского и комментарии *Т.А. Заглубоцкой*
- 573 **Шу'айб ал-Багини**
«“Разряды” хваджаган-накшбандийа и шайхов халидийа-махмудийа»
(*Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ва-садат маша'их ал-халидийа*)

АЛ-МАХМУДИЯ). ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ШАЙХА АХМАД-АФАНДИ АТ-ТАЛАЛИ.
ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО Ш.Ш. ШИХАЛИЕВА И М.А. МУСАЕВА

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО И ОБЫЧАИ

- 604 **Л.Р. СЮКИЯЙНЕН**
ШАРИАТ, ФИКХ, ИСЛАМСКОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
- 620 **У.О. ВОБРОВНИКОВ**
CRIME OR CUSTOM BETWEEN ISLAMIC AND IMPERIAL LAWS: DEMYSTIFYING *ISHKIL*
IN 17TH-19TH CENTURIES DAGESTAN

ИСЛАМСКИЕ ТРАДИЦИИ И ИНСТИТУТЫ

- 647 **А.К. МУМИНОВ**
ШИИТСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 'АЛИДОВ)
- 729 **А.К. БУСТАНОВ, М. КЕМПЕР**
МИРАСИЗМ В ТАТАРСКОЙ СРЕДЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСЛАМСКОГО НАСЛЕДИЯ
В ТАТАРСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО
- 746 **А.С. ЭРКИНОВ**
ИСЛАМСКИЙ ИНСТИТУТ МАДДАХОВ-ПРОПОВЕДНИКОВ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ:
ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ РЕПЕРТУАРА ИХ ПРОПОВЕДЕЙ

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЭПИГРАФИКА, АРХИТЕКТУРА, РУКОПИСИ

- 798 **М.С. ГАДЖИЕВ, А.Р. ШИХСАИДОВ, А.К. АЛИКБЕРОВ**
АРАБСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ XI–XII ВВ. НА ОГРАДЕ НОВООТКРЫТОГО
МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ИСТОРИЧЕСКОГО БАБ АЛ-АБВАБА
- 819 **Б.М. БАБАДЖАНОВ**
ЭПИГРАФИКА САМАРКАНДСКОГО МЕДРЕСЕ УЛУТЪЕКА (XV в.)
- 829 **Е.Г. НЕКРАСОВА**
ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ И ХАЗИРА «ВЕЛИКИХ» НЕКРОПОЛЯ ЧОР-БАКР
В СУМИТАНЕ (БУХАРА)
- 853 **И.В. ЗАЙЦЕВ**
К ИСТОРИИ СОБРАНИЯ АРАБСКИХ, ПЕРСИДСКИХ И ТУРЕЦКИХ РУКОПИСЕЙ
ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 866 **ПРИЛОЖЕНИЯ**

CONTENTS

11 **FOREWORD**

14 **PREFACE**

INTRODUCTION

18 *MIKHAIL PIOTROVSKY*
UNITY IN DIVERSITY

INSTEAD OF INTRODUCTION

24 *STANISLAV MIKHAILOVICH PROZOROV*
AUTOBIOGRAPHY
LIST OF ACADEMIC ARTICLES

ISLAMIC STUDIES AS AN ACADEMIC DISCIPLINE

43 *MIKHAIL PIOTROVSKY*
SOME PRINCIPLES OF THE CONCEPT OF TEACHING THE HISTORY AND CULTURE
OF ISLAM IN RUSSIA

51 *ALIKBER ALIKBEROV*
RUSSIAN ISLAMIC STUDIES, ITS OBJECT AND PLACE IN THE SYSTEM
OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE (ON THE TRAIL OF A SCHOLARLY DEBATE)

77 *RENAT BEKKIN*
DEPARTMENT OF ISLAMIC STUDIES OF PETROGRAD UNIVERSITY
(ON A LITTLE-KNOWN EPISODE FROM THE BIOGRAPHY OF A.E. SCHMIDT)

96 *RAFIK MUKHAMETSHIN*
ISLAMIC STUDIES IN TATARSTAN

105 *ALEXANDER KNYSH*
ISLAMIC STUDIES IN THE AMERICAN CLASSROOM: BETWEEN PEDAGOGY AND SCHOLARSHIP

METHODS AND TECHNIQUES OF ISLAMIC STUDIES

129 *MAXIM ROMANOV*
DIGITAL AGE, DIGITAL METHODS

157 *DMITRIY MIKULSKY*
THE BIOGRAPHIES OF MUSLIM SCHOLARS IN *AL-MANHAL AL-'AZB*
FI TA'RIKH TARABULUS AL-GHARB

223 *ARA MARGARYAN*
METHODS OF GENERATING "PROFILES" OF HADITH TRANSMITTERS ON THE BASIS
OF THE EARLY HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL SHI'ITE SOURCES

- 247 **MAXIM ROMANOV**
AFTER THE CLASSICAL WORLD: THE SOCIAL GEOGRAPHY OF ISLAM (661–1300 CE)

SOURCES OF THE EARLY ISLAMIC TRADITIONS

- 279 **ALIKBER ALIKBEROV**
ABOUT THE SOURCES AND THE HISTORICAL BASE OF THE QUR'ANIC STORY
OF YA'DJUDJ, MA'DJUDJ AND DHU'L-QARNAYN
- 357 **VITALY NAUMKIN, LEONID KOGAN**
COW-GHOST A HUNDRED YEARS LATER (ONE REMARKABLE STORY
FROM SOCOTRIAN FOLKLORE)

TEXTOLOGY AND THE PROBLEMS OF TRANSLATION

- 371 **VITALY NAUMKIN**
REVISITING THE ISSUE OF THE TRANSLATION OF MUSLIM SACRED
FORMULA SALA-'L-LAHU 'ALAYHI WA-SALLAMA INTO RUSSIAN
- 382 **NATALIA PRIGARINA**
THE REFLECTION OF THE INCORRUPTIBLE FACE (INTERTEXTUALITY IN THE DEPTHS
OF THE PERSIAN SUFI POETRY)
- 392 **ALEXEY KHISMATULIN**
MIEVEAL TA'LIF: TEXTUAL ANALYSIS AND TRANSLATION
OF THE RISALA-YI ABDALIYA BY YA'QUB CHARKHI

TRANSLATIONS OF ISLAMIC SOURCES

- 438 **IBN SINA**
"HEALING" (*AL-SHIFA'*). A CHAPTER OF THE BOOK "THEOLOGY": THE EXISTENCE
OF GOD AND HIS ATTRIBUTES. TRANSL., INTROD. AND NOTES BY *TAUFIK IBRAHIM*
- 482 **IBN RUSHD**
"THE GREAT COMMENTARY ON ARISTOTLE'S METAPHYSICS" (*TAFSIR MA' BA'D AL-TABI'A*).
ON THE RATIONALE FOR THE EXISTENCE OF GOD AND HIS ATTRIBUTES. TRANSL., INTROD.
AND NOTES BY *NATALIA EFREMOVA*
- 523 **SADR AL-DIN AL-QUNAVI**
"THE GUIDING MESSAGE" (*AL-RISALA AL-HADIYA*). TRANSL. FROM ARABIC
AND COMMENTARY BY *JANIS ESHOTS*
- 544 **FARID AL-DIN 'ATTAR**
"BIOGRAPHIES OF THE SAINTS" (*TADHKIRAT AL-AWLIYA'*). BIOGRAPHY OF ABU BAKR SHIBLI.
TRANSLATION FROM PERSIAN AND COMMENTS BY *TATYANA ZAGLUBOTSKAYA*
- 573 **SHU'AYB AL-BAGINI**
"THE CLASSES OF THE KHWAJAGAN-NAQSHBANDIYA AND KHALIDIYA-MAHMUDIYA"
(*TABAQAT AL-KHWAJAGAN AL-NAQSHBANDIYA WA-SADAT MASHA'IKH KHALIDIYA*)

AL-MAHMUDIYA). BIOGRAPHY OF SHAYKH AHMAD-AFANDI AL-TALALI.
TRANSL. FROM ARABIC BY SHAMIL SHIKHALIYEV AND MAKHACH MUSAYEV

ISLAMIC LAW AND CUSTOMS

- 604 *LEONID SYUKIYAYNEN*
SHARI'A, FIQH, ISLAMIC LAW: THE PROBLEM OF THE CORRELATION
- 620 *VLADIMIR BOBROVNIKOV*
CRIME OR CUSTOM BETWEEN ISLAMIC AND IMPERIAL LAWS: DEMYSTIFYING *ISHKIL*
IN 17TH-19TH CENTURIES DAGESTAN

ISLAMIC TRADITIONS AND INSTITUTIONS

- 647 *ASHIRBEK MUMINOV*
SHI'ITE CULTURAL IMPACT ON CENTRAL ASIA (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES
OF THE 'ALIDS)
- 729 *ALFRID BUSTANOV, MICHAEL KEMPER*
MIRASIZM IN TATAR ENVIRONMENT: THE TRANSFORMATION OF THE ISLAMIC HERITAGE
IN THE TATAR ENLIGHTENMENT
- 746 *AFTANDIL ERKINOV*
THE ISLAMIC INSTITUTE OF *MADDAHS* (PREACHERS) IN TURKESTAN: THE IDEOLOGIZATION
OF THE REPERTOIRE OF THEIR SERMONS BY THE RUSSIAN COLONIAL ADMINISTRATION

MUSLIM EPIGRAPHY, ARCHITECTURE AND MANUSCRIPTS

- 798 *MURTAZALI GADJIEV, AMRI SHIKHSAIDOV, ALIKBER ALIKBEROV*
ARAB EPIGRAPHIC TEXTS OF THE 11TH — 12TH CENTURIES ON THE FENCE
OF THE RE-OPENED HISTORICAL MEMORIAL COMPLEX BAB AL-ABWAB
- 819 *BAKHTIYAR BABADJANOV*
EPIGRAPHICA OF THE ULUGBEK *MADRASA* IN SAMARKAND (THE 15TH CENTURY)
- 829 *ELIZAVETA NEKRASOVA*
THE MAIN ARCHITECTURAL ENSEMBLE AND THE *KHADHIRA* OF THE "GREATS"
OF THE CHOR-BAKR NECROPOLIS IN SUMITAN (BUKHARA)
- 853 *ILYA ZAITSEV*
ON THE HISTORY OF COLLECTION OF THE ARAB, PERSIAN AND TURKISH MANUSCRIPTS
IN THE INSTITUTE OF THE WORLD LITERATURE IN MOSCOW
- 866 **APPENDIX**

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ
КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

ISLAMIC STUDIES
AS AN ACADEMIC DISCIPLINE

М.Б. Пиотровский

О некоторых принципах концепции преподавания истории и культуры ислама в России

Глубокое изучение истории и культуры ислама и одновременное научное преподавание его основ (исламское образование) стало сегодня актуальной общественной задачей, от которой во многом зависят интеллектуальные стороны благополучия и спокойной жизни нашей страны.

Под исламским образованием мы понимаем сейчас образование специальное духовное и образование светское, университетское. Их равновесие и взаимодействие — ключевой принцип концепции, которую предлагается положить в основу деятельности соответствующих образовательных институтов нашей страны. Проблема сочетания светского и духовного лежит в основе мировоззренческих парадигм различных эпох и весьма точно эти эпохи характеризует. Новое и специфическое звучание она приобретает в нашем мире, неожиданно снова раздираемом противостояниями и конфликтами, представляющимися и представляемыми как религиозные.

В этом контексте общего возрастания роли религии в общественной жизни особое звучание и значение приобретают судьбы ислама,

мировоззрения относительно молодого, полного неистраченных потенций и неудержимо демонизируемого как снаружи, так и изнутри. Во многом будущее мира зависит от того, удастся ли перевести мировые конфликты из псевдонадмирных и потому неразрешимых в сферу конфликтов мирских, для которых известны варианты социальных и политических решений.

В этой связи особо важен тот образ ислама, который создается внутри мусульманской *уммы*, и тот, который существует в окружающем и пронизывающем ее мире. Именно это делает актуальным вопрос о глубинном изучении ислама и мусульманской культуры как неперменной основы всякого преподавания в учебных заведениях духовного и светского характера. История ставит перед нами, казалось бы, неразрешимую задачу — создать условия для возникновения такого образа ислама, его истории и культуры, который был бы приемлем и для исламского, и для неисламского мира. Не будем себя обманывать: часто они значительно различаются. Задача еще не решена, но для ее выполнения сделано много. Это хорошо. Однако нужно все время помнить, что в России от ее решения зависит не просто политическая ситуация, а судьба страны. Ибо ислам у нас — традиционная религия значительной части соотечественников, живо осознающих сегодня свои корни и характеризующихся растущей культурно-политической активностью.

У нас же существуют глубокие традиции изучения ислама и его богословского и народного бытования. На их основе мы можем говорить о трех аспектах, имеющих принципиальное значение и использующих российский опыт. Речь идет:

- а) о «российском рецепте» взаимоотношения светской власти и исламских институтов;
- б) о балансе светского и духовного образования;
- в) о выработке единой терминологии для базовых понятий ислама.

«Российский рецепт»

Речь идет об историческом опыте взаимодействия учреждений Российской империи с исламскими институтами. В результате практического

опыта была создана система разделения полномочий, определявшая значительную степень духовной и административной автономии российской *уммы* при полном сохранении жесткой монополии центральной власти на широкий круг вопросов государственного порядка.

На этом пути были разные этапы. Решительный курс Петра Великого на насильственную христианизацию оказался контрпродуктивным для государственной системы. Екатерина Великая создала куда более гибкий механизм духовных управлений, на основе которого родилась целая сеть законов и инструкций, прецедентов и решений, которые составляют бесценный опыт, завещанный нам имперской Россией. Само собой разумеется, что этот опыт имел множество негативных сторон и был инструментом духовного и политического насилия, что неизбежно для сильного государства. Однако он создал уникальную атмосферу относительного социального спокойствия и условия для существования и расцвета не только мусульманской практики, но и мусульманского богословия. Система эта при всей своей жесткости позволяла мусульманам не чувствовать себя второстепенными гражданами. Многочисленная знать с мусульманскими корнями и мусульманской верой (от Юсуповых до эмиров Бухарских) гордилась своим происхождением. Мусульманские священнослужители в армии, мусульманские отряды в гвардии и в императорском конвое, объединения мусульманских купцов и многое другое создавали полезную для общества и ислама нишу.

Достоинства имперской системы становятся особенно видными на фоне послереволюционной эпохи, когда репрессивное отношение ко всем видам религиозной мысли и практики превратилось в национальную трагедию. Следует, однако, заметить, что мусульманское религиозное сопротивление коммунистическому режиму отличалось особой стойкостью, что частично связано и с предреволюционным опытом, политически воспитавшим мусульманских деятелей. С другой стороны, в ответ на революционные перемены родились новые течения мусульманской религиозной мысли, плоды которой востребованы и сегодня. Немало важных и поучительных особенностей содержится и в доимперской истории взаимоотношений ислама и христианства, в политической истории допетровской России, связанных с Золотой Ордой, Куликовской битвой с «сепаратистом» Мамаем, взятием Каза-

ни и Астрахани, с особой ролью русских митрополитов в отношениях Руси и Золотой Орды.

С другой стороны, история взаимоотношений государства и ислама в Советском Союзе тоже имеет свои разные стороны и страницы, где ситуации определялись как внутренними задачами, так и внешнеполитическими факторами. Речь идет не только о том, что многие из союзников СССР были традиционно исламскими государствами, но и о том, что в странах «мусульманского мира» опробовались, иногда мирно, иногда силой, разнообразные другие модели взаимоотношения власти и религии.

Все это показывает, что тема «Ислам в России» должна стать одним из краеугольных камней в здании исламского образования в нашей стране. В последние годы эта тематика очень активно и успешно разрабатывается как в светских, так и в религиозных учреждениях России (ИСАА МГУ, Московский исламский институт, Казанский федеральный университет). Уже выработан подход, основанный на изучении истории и документов, а не просто на враждебном взгляде со стороны (см. энциклопедический словарь «Ислам на территории бывшей Российской империи», научный редактор — С.М. Прозоров). Поэтому сегодня мы уже можем обходиться без ссылок на глубоко политизированные труды, созданные вне нашего мира.

Баланс систем образования

История ислама в Советском Союзе дает немало примеров развития серьезных аспектов изучения ислама как бы в изоляции от острых политических вопросов. Это позволило сохранить в России не только материалы, но и методiku академического знания. Что, в свою очередь, дало возможность не только возродить исламоведческие исследования во всей полноте и без «эвфемизмов», но и создать в академической среде первые книги и пособия, которые послужили базой для возрожденного знакомства с основами ислама широких кругов мусульман. Академическая наука сыграла добрую роль в возрождении исламского самосознания в России.

В значительной мере это является наследием того же «русского рецепта» в области востоковедной науки. В российском востоковедении еще с дореволюционного времени сложилось довольно четкое разделение между политическим востоковедением, обеспечивавшим политические (чаще всего — внешнеполитические) задачи России, миссионерским, обеспечивавшим интересы православной и прочей государственной идеологии, и собственно академическим, призванным умножать знания и смыслы.

Академические ученые следили за тем, чтобы это различие строго соблюдалось, и требовали от практических дисциплин внимательного отношения к науке и научным принципам, независимо от политических задач ориентаций. К золотому фонду нашей науки относятся знаменитые статьи В.В. Бартольда и В.Р. Розена, резко критиковавшие работы богословов-миссионеров казанской школы за ненаучный подход к описанию истории ислама. Эти статьи и сегодня могут и должны служить методической основой для академической науки и для разговоров об исламе вне исламской *уммы*. Они же вместе с продолжившей их традицией позволяют найти правильное соотношение требований веротерпимости и догматической принципиальности в преподавании истории и культуры ислама в светских и духовных учебных заведениях.

Мы в состоянии подготовить набор образовательных программ, которые могли бы стать базисом для двух типов программ — светской с уклоном в историю и общеисторические аспекты и духовной с уклоном в собственно духовную традицию и ритуал. Они могут различаться терминологически и в предметном отношении, но основой должна стать академическая программа по исламоведению, подготовленная под руководством общепризнанного академического авторитета в объективном изучении ислама — С.М. Прозорова. В Петербургском университете ее предполагается использовать как основу для образовательной программы «История и культура ислама», которая реализуется с 2015 года. Ряд тем и сюжетов могут быть добавлены по советам и предложениям коллег из мусульманских духовных и светских вузов.

С другой стороны, в программах духовных вузов можно изъять часть тем и заменить их более важными для духовной практики. Со-

четание нескольких таких программ при наличии общего стержня создаст уникальный культурно-образовательный продукт. Он может оказаться востребованным по всему миру. Наши программы должны быть интересны «даже выпускнику ал-Азхара» и особыми подходами, и особыми темами («Ислам в России», «Российские коллекции исламского искусства», «Мусульманские рукописи в российских собраниях», «Джадидизм и русская революция», «Мусульманская архитектура в России», «Суфизм на Северном Кавказе», «Русское востоковедение и ислам», «Мусульмане и русское востоковедение» и т.д.).

Особое место должно занять преподавание арабского языка, ориентированное на лучшие достижения отечественной и мировой практической и теоретической лингвистики, на применение новейших техник и технологий (включая дистанционное обучение). Язык, конечно же, находится вне религии, но стилистика языка бывает разной у мусульманских, христианских и внеконфессиональных текстов. Это тоже отдельная тема, интересная для исламского образования и увлекательная для лингвистики вообще. Точно так же общий и частный интерес представляют исследования и готовые пособия по технике изготовления мусульманских рукописей.

Важнейшим принципом преподавания должна стать исключительная опора на подлинные тексты. Этот принцип востоковедение разделяет с традиционным исламским обучением. Следует уделить внимание не только арабским, но и обязательно турецким и персидским текстам и памятникам. Совместными усилиями необходимо составить стержневой список с вариациями для светских и духовных вузов. Такой список с ветвями должен лечь в основу Хрестоматии (первый вариант уже был издан).

Система учебных пособий тоже может состоять из общего набора с «культовым» и «академическими» приложениями. Среди них многие, уже существующие, отражают достижения российской науки и уникальный российский опыт. Хорошими примерами являются пособия, изданные Московским университетом. Проводимый сейчас мониторинг учебных пособий должен не только обеспечить разбор недостатков, но и представить набор наиболее приемлемых для общей работы текстов и предложения по их доработке.

Итак, предполагается, что основу мусульманского образования составят стержневые программы, своды текстов, хрестоматии, пособия и учебники с двумя вариантами для сугубо светского и сугубо духовного обучения. Все они должны учитывать две трехчленные системы обучения. Одна стандартная российская, принятая российскими вузами, и обязательная для получения исламскими духовными вузами государственной регистрации и государственных стандартов. Это: бакалавриат, магистратура, аспирантура. С ней хорошо сочетается трехчленная традиционная система мусульманского образования: *куттаб*, *медресе*, университет. Тут нет противоречий, нужна добрая воля.

Согласование смыслов

Ислам живет в России в контексте русского языка. Он является общим для разных мусульманских народов нашей страны. Он же — средство взаимодействия, а главное — взаимного общения и взаимного объяснения с немусульманским большинством населения. Поэтому крайне важно, какими словами и оборотами передаются на русском языке базовые понятия ислама. Это обстоятельство, само по себе внешнее, оказывается важным средством анализа и самоанализа, которое необходимо не только для объяснения, но и понимания. Некоторая дискуссия о переводе может стать хорошим инструментом для выявления истинной сути терминов, избавив их от искаженного, часто принесенного извне примитивного или сиюминутного понимания.

Речь идет о смысле таких важнейших терминов, как «Бог», «*джихад*», «халифат», «свобода воли», «неверие», «*такфир*», «*хиджра*», «ислам», «люди Писания», «авраамические религии» и т.д. Они требуют последовательного исторического разъяснения, понимания их эволюции. К примеру, важно, что одностороннее понимание *джихада* как только войны, даже священной, пришло в ислам рикошетом, как результат идеологии крестовых походов. Таких примеров множество, они заслуживают дискуссии. Более простым сюжетом для дискуссии могут стать различные благочестивые формулы и летучие слова, которые часто по-разному переводят востоковеды и носители исламской культу-

ры. Тут, как правило, нет противоречий, но нужен совместный выбор самого верного и благозвучного.

Для такой работы требуется несколько серьезных лингвокультурных конференций, итогом которых может стать словарь-энциклопедия исламских терминов с описанием их истории и с их переводами на разные языки. Основа такой работы была заложена академическим энциклопедическим словарем «Ислам».

В этой связи будет полезно уточнить понятие «мусульманские науки», его соотношение с классической дихотомией *фалсафа* и «арабские науки». Необходимо обсудить и проблему существования в исламе различных направлений и их принципиальную антагоничность или неантагоничность. Опять история становится важным инструментом для сегодняшнего дня. Знание должно снимать противоречия.

В России есть многолетний опыт взаимодействия светских и духовных исследовательских и образовательных институтов. Этот опыт, может быть, не всегда радостно положителен, но всегда интересен, полезен и уникален. Он и является исторической основой для нового этапа тесного взаимодействия между ними, принятия единой концепции исламского образования или углубленного изучения истории и культуры ислама. Его разумное использование может стать хорошим лекарством от экстремизма, который всегда есть порождение малого знания.

А.К. Аликберов

Российское исламоведение, его предмет и место в системе гуманитарных знаний (По следам одной научной дискуссии)

Российское исламоведение — одна из наиболее динамично развивающихся научных дисциплин, имеющая длительную историю. Тем не менее общего определения его предмета, которое бы признавалось всем сообществом профессиональных исламоведов, до сих пор не существует, как и единых критериев определения исламоведа¹. Один из основных таких критериев, выработанных в процессе подготовки «Библиографического словаря современных российских исламоведов», обозначен как «профессиональная деятельность на ниве академического исламоведения, важнейшей государственной и общественно-политической задачей которого было и остается предоставление российскому обществу базовых научных знаний об исламе»².

¹ Вопрос о предмете российского исламоведения решен только в рамках отдельных академических школ. См.: *Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.*

² На этом основании для включения в словарь были отобраны сведения лишь о 25 современных российских ученых-исламооведах, представляющих основные востоковедные центры России — Москву, Санкт-Петербург, Казань и Махачкалу. Работа находится на стадии редактирования (научный редактор издания — С.М. Прозоров, отв. редакторы — А.К. Аликберов, Р.И. Беккин). В своем Введении С.М. Прозоров так

Существующие по данному вопросу противоречивые мнения и разногласия в полной мере проявились в ходе дискуссии в программе казанского телевидения «Четки», организованной в кулуарах VIII съезда российских востоковедов (Казань, 2012 г.). В передаче «Кто ты, исламовед?», которую вел Р.И. Беккин, приняли участие ведущие российские исламоведы Т.К. Ибрагим, В.В. Наумкин, С.М. Прозоров и Д.В. Фролов (в алфавитном порядке), представлявшие Институт востоковедения РАН (Т.К. Ибрагим, В.В. Наумкин), Институт восточных рукописей РАН (С.М. Прозоров) и Институт стран Азии и Африки при МГУ (Д.В. Фролов)¹. Примечательно, что за несколько часов обсуждения ключевой темы, вынесенной в заголовок программы, даже хорошо знавшие друг друга коллеги из академической среды Москвы и Санкт-Петербурга не смогли прийти к консенсусу по частным вопросам, хотя и согласились с основными принципами и подходами. По проблеме предмета исламоведения каждый участник интеллектуального спора остался при своем мнении. Учитывая особую важность и нерешенность этого вопроса, а также его общественную значимость, считаю необходимым остановиться на нем подробнее.

Научная дискуссия затронула одну из самых болезненных точек российского исламоведения, которая предельно актуализировалась в последние годы в связи с реализацией Федеральной программы трехуровневой системы отечественного исламского образования. Острая нехватка квалифицированных специалистов, с одной стороны, и их высокая востребованность, признание со стороны общества и власти — с другой, привели к повышению уровня престижности профессии. Следовательно, заметно увеличилось число исследователей, позиционирующих себя в качестве исламоведов.

определяет основные критерии понятия «академическое исламоведение»: «(1) широта источниковедческой базы, опора на оригинальные арабографичные сочинения, контекстно-исторический подход к содержащимся в них сведениям; (2) владение понятийным аппаратом ислама, передающим специфику и общие принципы этой религиозной системы; (3) методологический подход к изучению ислама как самостоятельной идеологической системы, общие принципы которой лежат в основе многообразия форм их истолкования».

¹ См.: «Кто ты, исламовед?». Часть 1. — // <http://www.bekkin.ru/index.php?art=422>
Часть 2. — // <http://www.bekkin.ru/index.php?art=423>

К исламооведам относят себя представители самых разных профессий: источниковеды, работающие над источниками мусульманского вероучения; историки, занимающиеся историей ислама, исламских традиций, богословских и религиозно-правовых школ и институтов; исследователи мусульманского права, изучающие источники *фикха* и правовую систему мусульманских обществ как в прошлом, так и в настоящем; этнографы, исследующие обычаи, быт, религиозную практику, материальную и духовную культуру мусульманских народов; специалисты по мусульманской философии; религиоведы, культурологи и социологи, специализирующиеся на цивилизационных (институциональных и ценностных) параметрах ислама; страноведы, отслеживающие современные религиозно-политические процессы в исламских регионах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Центральной Азии, Кавказа, Урало-Поволжья и др.; политологи, наблюдающие за общественно-политическими аспектами жизни современных мусульманских общин; публицисты и популяризаторы науки, пишущие доступно об исламе, исламской культуре и мусульманах; наконец, богословы, имамы, представители официальных духовных организаций мусульман.

В.В. Наумкин, начавший дискуссию, отметил, что исламовед должен иметь определенную квалификацию, знать предмет, владеть арабским языком и навыками работы с исламскими письменными источниками, кроме того, он должен работать в профессии. С.М. Прозоров сузил понятие исламооведа, отметив, что писать на тему ислама может и этнограф, но его заключения не исходят из знания источников. Овладение источниковедческой базой ислама — обязательное условие профессионального исламооведа. Это невозможно без знания классического арабского языка. Необходимым условием профессии является владение методологией, методиками исследований, понятийным аппаратом. Наконец, у исследователя должно быть призвание, иначе говоря, профессиональное чутье. Д.В. Фролов, издавший превосходные научные переводы *тафсиров* ас-Суйути, возразил, что определение С.М. Прозорова даже ему не позволяет называться исламоведом. Тауфик Ибрагим добавил, что для признания специалиста исламоведом необходимо наличие у него ученой степени, поскольку исламоведение — все же научная дисциплина.

На Западе понятие «российское исламоведение», как и «советское исламоведение», толкуется, по моему мнению, слишком расширительно: в него включаются не только направления истории, культуры и философии, но и т.н. «научного атеизма»; как следствие, в работах западных коллег исламоведение в СССР выглядит этаким неразборчивым, разномастным и идеологизированным монстром. Так, один из соавторов настоящего сборника Михаэль Кемпер в своей специальной статье, посвященной Л.И. Климовичу, назвал его «идеологической ищейкой советского исламоведения»¹. Книги этого самого известного советского атеиста, написанные с использованием источников, до сих пор упоминаются в различных работах, в том числе и в статьях настоящего сборника, но каждый раз вызывают неоднозначную реакцию². В дискуссии В.В. Наумкин также упомянул о Л.И. Климовиче, отметив, что он в своей работе опирался на письменные источники, и именно это обстоятельство объясняет успех его книг в Советском Союзе. В таком случае вопрос следует ставить несколько по-другому: может ли называться исламоведческой всякая работа, написанная об исламе на основе первоисточников, или, как в любой другой науке, непременным условием принадлежности к исламоведению является также (в дополнение к использованию источников) обязательное применение методологических принципов и методов исследования, выработанных этой научной дисциплиной?

Коммунистическая идеология с ее отношением к религии как к «опиуму для народа» не могла не наложить свой отпечаток на гуманитарную науку. На академическом исламоведении как фундаментальном направлении науки это отразилось меньше всего, поскольку оно не было так же сильно идеологизировано, как дисциплины, выполнявшие прямой социальный заказ. Тем не менее какое-то влияние, безусловно, было. Оно выражалось, например, в необходимости использования цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма или невозможности полного перевода с арабского языка на русский всех богословских формул. Так, из-за сложившейся практики исследователям приходилось сокращать наиболее часто повторяющиеся в тексте источника благопо-

¹ *Kemper M.* Ljucian Klimovič. Der ideologische Bluthund der sowjetischen Islamkunde und Zentralasienliteratur // *Asiatische Studien / Études Asiatiques*. LXIII. 1. 2009. S. 93–113.

² *Климович Л.И.* Ислам в царской России. М., 1936; *Его же.* Ислам. М., 1965.

желательные формулы либо частично, либо целиком, предварительно оговорив все сокращения в предисловии или введении.

Конечно, советским исламооведам приходилось участвовать в публикации материалов в издательских сериях, которые по идеологическим соображениям объявлялись атеистическими, или указывать во вводной части своих исследований, как и во всех других дисциплинах, не только гуманитарных, на методологическую важность работ основоположников марксизма-ленинизма для данной темы, однако это не основание отождествлять атеистические и исламоведческие работы, у которых были совершенно различные системы аргументации и научные результаты.

В новой России «научный атеизм» был признан не научной, а идеологической дисциплиной, и на этом основании он был выведен из числа научных специальностей Высшей аттестационной комиссией; соответственно шифр специальности 09.00.06 был ликвидирован. Называть атеистические работы исламоведческими некорректно не только по этой причине, но также из-за несовпадения предметного поля двух дисциплин, известного антагонизма, существовавшего между арабистами классической школы и атеистами, а также в силу их объективно различных целей. «Научный атеизм» ставил целью доказать ненаучность идеи Бога, невозможность ее существования в материалистической системе координат. Исламоведение и не ставило такие глобальные задачи — оно было нацелено на получение достоверных научных знаний об исламе как религиозной системе на основе анализа оригинальных источников. Достаточно сказать, что работы в области классического исламоведения, в отличие от большинства атеистических опусов, выдержав испытание временем, до сих пор сохраняют свою научную значимость.

Определение исламоведения, которое является востоковедческой дисциплиной, восходит к *Islamology* («исламология» — от *islam* «ислам» и *-logy* суффикса научных дисциплин, восходящего к греч. *logos* «слово»); эти два определения не полностью совпадают друг с другом, как и другие дисциплины¹, так же как теология и богословие в России

¹ Ср. языковедение с филологией: языковедение, или языкознание, ближе к определению лингвистики, а филология включает в себя эти и другие направления, в том числе текстологию и палеографию.